

© 2020 г.

М.А. ФЕЛЬДМАН

ВЫДВИЖЕНЦЫ 1917–1941 гг.: ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ ВОСХОДЯЩЕЙ МОБИЛЬНОСТИ

ФЕЛЬДМАН Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия (feldman-mih@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе исторической литературы, Всесоюзной партийной переписи 1927 г., материалов статистических учетов управленческого персонала промышленности 1929, 1933, 1934 и 1936 гг. предпринята попытка дать объективную оценку сущности, динамики и исторической роли выдвиженчества, одной из форм социальных мобилизаций, позволившей привлечь для решения задач первых пятилетних планов необходимые кадровые ресурсы. Отмечается, что выдвиженчество как социальная технология оказалось на пересечении внутривнутрипартийной борьбы за выбор курса; столкновения подходов о возможностях нэповской экономики; дискуссии о допустимости и пределах классовой борьбы; сопоставления задач индустриализации и марксистских характеристик классового общества. На параметры выдвиженчества влияли партийные мобилизации (коллективный прием в партию) и партийные чистки. Экономический хаос начала 1930-х гг., вызванный волюнтаристскими решениями Сталина и его сподвижников, заставил руководителей СССР реалистичнее взглянуть на возможности рабочего социума. Сделан вывод, что феномен выдвиженчества фактически был ограничен рамками Первой пятилетки. Позволив продвинуть на руководящие должности в экономической сфере тысячи талантливых выдвиженцев, выдвиженчество, вместе с тем, продемонстрировало чудовищный масштаб кадрового отсева, позволяющий говорить о принесении в жертву индустриализации значительной части выдвинутых управленцев.

Ключевые слова: выдвиженцы • рабочие • партия • индустриализация • пятилетка

DOI: 10.31857/S013216250009377-7

В научной литературе последних лет отмечалась двойственность «феномена большевизма», «антиномичная двойственность советской системы» [Красин, 2017], начиная с событий конца октября 1917 г. Такой подход может служить методологическим основанием исследований «советского проекта» лишь постольку, поскольку из множества векторов и направлений действий различных социальных сил, собственно и составляющих феномен советской истории, можно выделить два основополагающих: рациональный, связанный с индустриализмом, объективной необходимостью (в том числе ради выживания режима) ориентирования на научно-технический прогресс; другой вектор – **утопический**, насыщенный множеством мифов, рожденных пропагандистскими структурами Советской республики и пластом устойчивых традиций.

Важным направлением внутренней политики Советского государства являлось выдвижение рабочих и крестьян на руководящие ответственные должности в партийно-государственном и хозяйственном аппаратах. Если в советское время этот процесс получал

неизменно позитивную оценку и связывался с сущностью Советского государства [Дробижев, 1961], то в постсоветскую эпоху в исторической литературе доминируют противоположные оценки [Гимпельсон, 2000]: «Большинство выдвиженцев были малограмотными, они попадали в чуждую им аппаратную обстановку и были непригодны для управленческой работы».

Редкие исследования, затрагивающие указанную тематику в первые десятилетия XXI в., к сожалению, недалеко ушли от канонов 1960–1970 гг., главным образом систематизируя имеющееся знание. Так, в автореферате кандидатской диссертации «Выдвиженчество в кадровой политике Советского государства в 1920–1930-е годы (на материалах Смоленской области)» безоговорочно утверждается: «Выдвиженцы, пришедшие во власть, своей деятельностью активно способствовали укреплению и развитию советской политической и социально-экономической системы» [Новосильцева, 2004]. Даже указав на ошибочность метода кадровой политики большевистской партии – приписывание выдвиженцам из социальных низов «специфической пролетарской психологии», гарантирующей «честность, порядочность, наличие здравого смысла, классового сознания и политической интуиции, которые помогут разобраться во всех тонкостях управления», – автор, тем не менее, дает высокую оценку выдвиженчеству, в том числе благодаря установлению «контроля за деятельностью работавших в учреждениях специалистов» и «организации многочисленных политических кампаний» (!) [там же: 17, 19, 20].

Коллективная монография сибирских ученых под руководством исследователя периода «социалистической индустриализации» С.А. Красильникова содержит методологические основы комплексного изучения феномена выдвиженчества. В силу роли, которую в годы первых пятилеток играли мобилизационные механизмы и технологии, позволявшие властным структурам «концентрировать максимум ресурсов и возможностей общества на выполнении провозглашенных целей» [Красильников, 2018: 6], выдвиженчество рассматривается в рамках феномена **социальной мобилизации** (неотделимой от *социальной мобильности* тех лет), как системной характеристики сталинского режима на стадии его утверждения (конец 1920-х – 1930-е гг.). Поэтому исследование институциональных основ, механизмов и форм осуществления мобилизационных практик в важнейших сферах взаимодействия структуры власти и советского общества должно сверяться не только с достижениями экономической модернизации, но и масштабом потерь корпуса выдвиженцев, всего управленческого социума; с отношением управленцев к рациональному управлению в экономике и со степенью воздействия на них утопической идеологии при понимании всей изменчивости этих показателей в исторической конкретике. В предлагаемой статье сделана попытка сравнительного анализа выдвиженчества, используя материалы Все-союзных партийных переписей и статистических данных учета кадров промышленности. Поскольку выдвиженчество рассматривалось, прежде всего, как «орабочивание» аппарата, в центре внимания исследования – выдвиженцы из рабочего социума.

Годы нэпа привнесли в поведенческую практику черты прагматизма у той части профессиональных революционеров, которая пришла на работу в органы государственной власти, отвечающие за конкретные участки экономики. У главы СНК СССР и СНК РСФСР А.И. Рыкова, работников Наркоматов и Госплана постепенно складывалось представление о нэпе, как о долговременном историческом этапе раннесоциалистического развития. В среде хозяйственников в годы нэпа «революционный романтизм» начал «выветриваться» с принятием плана ГОЭРЛО (т.е. научных принципов организации экономики) и с введением, даже в урезанном виде, рыночной экономики. Очевидной была готовность части советского руководства к масштабному использованию «старых специалистов», к оценке деятельности выдвиженцев по объективным экономическим и социальным результатам деятельности трестов, синдикатов и промышленных предприятий, кооперации. Период восстановления промышленности, внедрения (даже в ограниченном масштабе) хозрасчетных отношений позволял удержаться на должностных постах тем, кто умел учиться у специалистов.

В то же время немалая часть партии сохраняла верность догмам марксистской идеологии, связанным с отрицанием рыночной экономики и частной собственности; необходимостью перманентной классовой борьбы, курсом на «мировую революцию», нашедшим выражение в деятельности Коминтерна. Столкновение указанных двух подходов на пяти Пленумах ЦК 1928–1929 гг., пяти съездах плановых работников долгое время не выявляло победившей стороны [Фельдман, 2019].

Ожесточенный характер внутривнутрипартийных дискуссий не мог не отражаться на судьбе управленческих организаций. Материалы Всесоюзной партийной переписи 1927 г. позволяют судить о некоторых итогах выдвиженчества в послеоктябрьский период. Такая оговорка необходима постольку, поскольку речь идет о характеристиках состава **служащих – членов партии**. Значение указанной социальной группы (440,5 тыс. человек) заключалось не только в том, что она являлась крупнейшей в составе правящей партии (38,5% от общего числа коммунистов), почти на треть превышая долю собственно рабочей прослойки в ВКП(б) («рабочие от станка») [Коммунисты..., 1929: 10]. Речь шла о том управленческом элитарном слое, который фактически правил страной. Социальные характеристики почти полумиллионного корпуса управленцев во многом определяли способность ответственных работников к проведению в жизнь модернизации СССР.

Как и в первые годы советской власти, позиция конкретного служащего-коммуниста зачастую зависела от сферы его работы: 26 607 партийных работников (7,5% всех служащих-коммунистов), прежде всего, отвечали за верность «генеральной линии» партии. На почти пятидесяти тысячную армию служащих-коммунистов, занятых в Советах (13,5%), возлагалась ответственность за участки социальной сферы, но, как правило, в рамках выполнения партийных поручений. Иная судьба ожидала служащих-коммунистов, пришедших на хозяйственную работу, например 69 086 коммунистов (19,9%) [Коммунисты..., 1929: 55, табл. 1], направленных в промышленность и на транспорт: конкретные экономические показатели работы предприятий объективно показывали способность управленцев быть «строителями социализма». Деление на два основополагающих социума – хозяйственную и административно-политическую элиту – во многом, но не полностью направляло траектории жизни советских служащих.

Выделим еще одну плоскость – партийные «чистки», ставшие, начиная с середины 1927 г., массовыми, превратились в жесткий «фильтр» для устранения поддержавших когда-либо внутривнутрипартийную оппозицию, либо просто работавших вместе с обвиненными в «левом» или «правом» уклонах, расширяя методы политического контроля за аппаратом. Перманентный процесс «чисток» партийного и государственного аппарата шел по нарастающей, увенчавшись в 1933 г. генеральной «чисткой» партии [Киселева, 2009: 102, 108, 109]. Поскольку исключение из партии в рассматриваемый период автоматически означало понижение в должностной иерархии, речь для затронутых ею лиц шла о нисходящей мобильности.

Согласно материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 г., из 440,5 тыс. служащих 42% составляли бывшие рабочие. Примерно такой же удельный вес (45,2%) приходился на тех, кто в графе происхождения писал «служащий» [Коммунисты..., 1929: 11]. Определенный баланс представителей «правящего класса», из которых 84% имели только начальное либо домашнее образование, и выходцев из среды служащих отражал реалии нэпа.

Удивительный момент, незамеченный исследователями, – доля лиц с высшим образованием среди работников партийных комитетов была существенно ниже, чем в партии в целом: соответственно 1,7 и 2,4% при примерном равенстве получивших только начальное и домашнее образование (82,1 и 84%). В то же время высшее образование имела пятая часть работников планово-регулирующих структур (20,5%) [там же: табл. 15] – факт немаловажный для понимания содержания дискуссий 1928–1929 гг. о параметрах Первого пятилетнего плана. Получается, что негативные последствия «взрывного» характера вертикальной мобильности: усредненность, нивелирование ценностей и

потребностей, упрощенное и потребительское отношение к достижениям культуры, нетерпимость к индивидуальности, свободомыслию и т.д. [Ортега, 2016: 50, 83, 90], – в управленческом аппарате страны в наибольшей степени коснулись партийных комитетов.

Но как были распределены перешедшие в управленческий аппарат 184 тыс. выдвиженцев из числа бывших рабочих? Среди 9422 коммунистов, работавших в так называемом высшем звене центральных и республиканских учреждений, насчитывалось 28,6% рабочих (2695 человек). Проблема заключалась в том, что основную массу этих выдвиженцев составляли профессиональные революционеры с дореволюционным стажем – «подпольщики», давно утратившие связь с рабочим социумом. Обращает на себя внимание и такой факт: доля «подпольщиков» среди *служащих – вчерашних рабочих* в десять раз ниже, чем у выходцев из среды служащих: 0,3 и 3%, отражая подлинную историю большевистской партии [Коммунисты..., 1929: 23, 27]. Среди 150 205 управленцев среднего звена рабочих насчитывалось 36,5%. В нижнем звене управленческого аппарата из 60 024 должностей выдвиженцы-рабочие занимали 42,5% [там же: 21–23]. Как видно, и к десятилетнему юбилею Октября «*орбочивание*» в большей степени коснулось низших звеньев управленческой лестницы. Это отражало реальные возможности рабочего социума и, в свою очередь, препятствия и барьеры на пути восходящей мобильности в авторитарном государстве.

Реалистическое понимание возможностей рабочего социума и значения сотрудничества с «буржуазными специалистами» отразилось в ряде выступлений сторонников сохранения нэпа на Апрельском (1928) Пленуме ЦК 1928 г. [Как ломали..., 2000: 225, 242, 272]. Этим объясняется *сравнительно ограниченный масштаб выдвиженчества до 1929 г.*: например, по данным на 1 октября 1929 г., из всех выдвиженцев, работавших в аппарате общесоюзных наркоматов, 11,5% пришли в 1924 г. и раньше, 16,1% – в 1925–1928 гг., но 72,4% – в одном только «переломном» 1929 г. (!)

Замедленный процесс «орбочивания аппарата» вызывал яростное недовольство у противников нэпа – догматически настроенных коммунистов, лидером которых стал Сталин. Выдвиженчество ими рассматривалось как *форма классового боя* со всем миром прошлого. Не случайно из восьми заседаний Апрельского (1928) Пленума ЦК пять посвящены «Шахтинскому делу». Показательным в этом плане стало выступление секретаря Нижегородского губкома партии А.А. Жданова, заявившего о необходимости искать «шахтинцев» в каждом регионе и на каждом предприятии (!) [там же: 169].

Трудно рассмотреть явление сквозь призму не одной плоскости, а всех составляющих. В 1928 г. выдвиженчество как социальный процесс оказалось на пересечении внутрипартийной борьбы за выбор курса, столкновения подходов о возможности нэповской экономики, дискуссии о допустимости и пределах классового боя, сопоставления задач индустриализации с марксистскими характеристиками классового общества. На параметры выдвиженчества оказали влияние партийные мобилизации (коллективный прием в партию) и партийные чистки. В такой ситуации выдвиженчество следует рассматривать одновременно и как *политико-пропагандистскую акцию* (массовое продвижение в управленческие структуры представителей «правлящего класса»), и в *формате избавления от буржуазных специалистов*, надуманно обвиненных Сталиным в «экономической контрреволюции» [там же: 233–234], и в плане отстранения от работы сторонников оппозиции. По определению Красильникова, рубеж 1920–1930-х гг. стал временем сочетания мобилизационных кампаний двух типов – консолидационного («борьба за») и конфронтационного («борьба против») [Красильников, 2018: 32]. Приоритет каждой из указанных мобилизационных кампаний определялся степенью кризиса в экономике. И тогда волна борьбы против «спецов-вредителей» стихала так же стремительно, как и возникла.

Резолюция Шестнадцатой всесоюзной партийной конференции (апрель 1929 г.) нацеливала на *взаимосвязь выдвиженчества и масштабных чисток аппарата*; на быструю замену «вычищенных из советского аппарата» новыми кадрами [XVI конференция, 1962: 646–647]. Красноречивы слог и цифры советского историка, демонстрирующие эту

взаимосвязь: практически все «3,7% выдвиженцев в 1929 г., которые влились в аппарат управления (Наркоматов) вместо 11,2% вычищенных, были подготовлены в ходе чистки, в основном рабочими бригадами, принимавшими в них участие» [Андреюк, 1968]. Судя по документам, рабочие с предприятий использовались прежде всего для удаления из управленческих структур представителей «нетрудовых сословий».

Материалы XVI съезда ВКП(б) (июнь 1930 г.) зафиксировали параметры выдвиженчества на этапе «Великого перелома». Организационный Отчет ЦК ВКП(б) съезду, представленный секретарем ЦК Л.М. Кагановичем, проблему «укрепления органов диктатуры пролетариата» предполагал решить самым простым способом: увеличением представительства рабочих-партийцев в управленческих структурах [XVI съезд, 1935: 157]. Однако какова была эффективность работы тех примерно 363 тыс. рабочих (по социальному происхождению) [XVI съезд, 1935: 157, 158], что перешли в различные управленческие структуры? Отчет ограничивался только упоминанием о «четверти партийцев с производства, не вовлеченных в соцсоревнование» [XVI съезд, 1935: 163].

Выступление председателя ЦКК С.Г. Орджоникидзе показывало дальнейшие намерения советского руководства в решении кадровых проблем. Продолжение чистки советских служащих должно было «избавить» советский аппарат от «чуждых элементов» – представителей непролетарских слоев. Выдвиженчеству («орабочиванию» состава управленцев) отводилась роль повышения эффективности работы властных структур. Однако, упомянув о незначительности кадрового вливания рабочих в аппарат: «Во время чистки число выдвиженцев оставалось в довольно пустяковых размерах – от 2 до 6%», Орджоникидзе сделал крутой разворот: «Оздоровить наш аппарат только одним выдвиженчеством с фабрик и заводов нам не удастся при таком громадном голоде в квалифицированной рабочей силе, который сейчас имеется» [XVI съезд..., 1935: 564]. За признанием *ограниченности ресурсов рабочего социума* следовал логический вывод Орджоникидзе о необходимости пополнения корпуса управленцев из числа выпускников вузов, с оговоркой в марксистском духе, что большинство выпускников должны быть из числа детей рабочих [XVI съезд, 1935: 564].

1930 г. стал определенным оселком выдвиженчества. С одной стороны, выполняя партийные решения, в январе 1930 г. ВСНХ обязал подведомственные ему тресты и объединения в месячный срок выделить для выдвижения большое количество высококвалифицированных рабочих из состава ударных бригад [Дробижев, 1961: 9]. С другой – события 1930 г.: расширяющийся экономический хаос в результате форсированной индустриализации [Хлевнюк, 2010: 84], острое социальное недовольство населения города и деревни [Осокина, 2008] убедительно показывали неспособность значительной части выдвиженцев разобраться с быстро меняющейся ситуацией. Социальная мобильность в данном контексте, став одной из причин преобладания девиантных тенденций в социально-экономической сфере и разбалансировки системы управления, поставила под угрозу сохранение стабильного положения Советского государства.

20 октября 1930 г. Центральный комитет ВКП(б) постановил «в целях сохранения кадров квалифицированных рабочих на производстве воспретить на ближайшие два года выдвижение рабочих от станка во всякого рода управленческие аппараты» [Партийное..., 1930: 61–63]. Политика развития выдвиженчества оборачивалась экономическими просчетами, созданием искусственного дефицита квалифицированных рабочих. Большевицские представления о том, что сами «рабочие от станка» могут успешно заменить собою специалистов с профессиональным образованием, не оправдались. 15 марта 1931 г. Политбюро приняло постановление «о полном прекращении мобилизации рабочих на нужды текущих кампаний, а тех, кто был направлен на советскую работу, немедленно вернуть на производство» [Гимпельсон, 2000: 365]. Собственно говоря, перед нами два важных документа, говорящих о вынужденном признании Сталиным и его окружением слабой эффективности механизма выдвиженчества.

Историки советской эпохи с гордостью отмечали: за годы Первой пятилетки выдвинуто примерно 800–900 тысяч человек, в том числе около 500 тысяч – в отраслях народного хозяйства; остальные занимали различные должности в структурах государственной власти и партийных органах. Тот факт, что большинство из выдвинутых являлись вчерашними рабочими, рассматривался руководством большевистской партии как выдающаяся победа советского строя, даже с учетом того, что их подготовка в лучшем случае ограничивалась кратковременными курсами [Андреюк, 1968: 38]. Особое значение придавалось тому, что в результате чисток произошло расширение числа выдвинутых в структурах верхнего и среднего звеньев управленческого аппарата. Так, по данным о составе административных работников промышленности на 1 ноября 1933 г., рабочих по социальному происхождению насчитывалось в наркоматах 9,2%, но среди высшего административного персонала наркоматов – 40,8%; в главках эти показатели соответственно составляли 12 и 42,8%; на промышленных предприятиях – 48,5 и 52,5% [Состав..., 1936: 392]. Но даже после массовых чисток аппарата и партийных организаций добиться преобладания рабочих в руководящих органах не удалось: барьером становился невысокий образовательный уровень «исходного материала».

Данные по более широкому кругу предприятий и специалистов (подавляющего большинства промышленных предприятий СССР) указанные выше изменения подтверждают, дополняя указанием на то, что из массива в 16 926 директоров заводов и фабрик и их заместителей 52,5% (т.е. 8,5 тыс. человек) составляли рабочие, из которых 38,5% оставили свои рабочие места в годы Первой пятилетки.

Сравнительный анализ статистических данных учета *руководящих кадров тяжелой промышленности* (НКТП) на 1 октября 1934 г. и на 1 октября 1936 г. позволяет сделать вывод о динамике и судьбе выдвинутости на примере ведущих отраслей советской индустрии. Прежде всего, удельный вес рабочих-выдвинутых в 1934 г. достигает максимума и стабилизируется до конца 1936 г. (т.е. до начала массовых репрессий) на уровне примерно 38% от общего состава управленческих кадров. Что же касается начальников главков в период 1934–1936 гг., происходит **уменьшение** рабочей прослойки (с 23,4 до 20,5%). Намного весомее эта тенденция прослеживается на примере управляющих трестами (225 человек в 1934 г. и 244 – в 1936 г.) – здесь рабочая прослойка понизилась с 49,5 до 37,5%. Однако более всего изменения коснулись директоров крупных промышленных предприятий, где доля рабочих-выдвинутых снизилась с 63,4 до 48%. Только в группе начальников цехов (в связи с выдвинутыми первыми «передовыми стахановцами») продолжался рост доли рабочих-выдвинутых (с 30,6 до 35,9%) [Кадры..., 1936: 168–169].

В СССР уменьшение рабочей прослойки объяснялось появлением значительного числа выпускников советских вузов [Дробижев, 1961: 74]. В самом деле, только за два года указанного периода даже при существенном увеличении численности группы директоров крупнейших предприятий (с 534 до 944 человек) доля лиц с высшим образованием стремительно выросла с 36 до 46% [Кадры..., 1936: 163]. Но обратим внимание на то, что представители директорского корпуса (в широком смысле слова), «стоящие на земле» и погруженные в реальную экономику, включая широчайшие неформальные связи и контакты [Осокина, 2008: 13], активно критиковали явления бесхозяйственности и волюнтаризма в «социалистической» экономике, например, на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в январе-феврале 1931 г. [Первая..., 1931: 31–33, 74–75, 101–105]. При этом ни один управленец из числа выступавших на конференции вообще не упомянул имя «вождя партии», присутствовавшего в президиуме конференции!

Все это не было случайностью. Блестящее исследование пермского историка О.Л. Лейбовича о судьбе управленческой «рати» самого передового предприятия Урала – Пермского авиамоторного завода в 1930-е гг. [Лейбович, 2017] – убедительно показывает столкновение двух *управленческих подходов* к индустриализации, основанных на 1) страхе и жестокости, перманентных репрессиях против любых потенциальных врагов,

2) использовании экономических методов. Исход столкновения был предопределен возможностями объединения усилий партийных органов и НКВД, а также части выдвиженцев, обделенных властными должностями [Лейбович, 2017: 123, 143]. Само название его монографии «Охота на красного директора» является символическим для судеб тысяч бывших рабочих, ставших «командирами производства». Практика хозяйствования, построенная, хотя и частично, на принципах рациональности, вела директорский корпус к столкновению с экономической системой, допускавшей субъективное вмешательство партийных комитетов всех уровней, прежде всего, в кадровую сферу.

Некомпетентность рабочих-выдвиженцев могла быть прощена Сталиным. Но парадокс тоталитарной системы – освоение промышленных объектов, выпуск широкой номенклатуры сложных технических изделий, узлов и агрегатов – требовал квалифицированных технократов, способных в условиях хронического дефицита средств, кадров, запасных частей к оперативным самостоятельным решениям. Эти слова в первую очередь относились к рабочим-выдвиженцам, выдержавшим невероятные нагрузки Первой пятилетки и проявившим управленческие способности. В этом ракурсе выдвиженчество в некоторой степени содействовало формированию управленческого корпуса в промышленности. В этом смысле мобильность (в формах мобилиционности) демонстрировала свою внутреннюю сущность – перенапряжение, ставшее нормой работы советских управленцев не только в годы Первой пятилетки. Девиационные издержки мобилизационной модели в советской истории могли быть относительно уменьшены ненормированным рабочим днем и физическим перенапряжением.

Выдвижение как система прямого направления «рабочих от станка» в органы власти фактически ограничилось периодом Первой пятилетки с ее результатами, далекими от плановых заданий: работа *на конкретный результат*, растущие требования к качеству выпускаемой продукции, даже при множестве случаев обхождения этих требований [Маркевич, 2005: 381–383], отсекали некомпетентных работников.

Что дают приведенные статистические данные о выдвиженчестве? Во-первых, вывод о массовости исторического феномена – «орбочивания» аппарата. Во-вторых, данные о распределении выдвиженцев подтверждают: основная масса выдвиженцев влилась в среднее и нижнее звенья чиновничества. В-третьих, определение параметров той относительно немногочисленной группы бывших рабочих, которые за счет своих способностей и упорства успешно прошли хаос и перегрузки Первой пятилетки и сохранили свое присутствие на постах руководителей трестов и директоров заводов.

Выдвиженчество, продемонстрировав разновекторную направленность социальной мобильности, смогло превратить потенциал социальных низов в управленческий ресурс, а последний – в *реальное действие – реализацию пятилетнего плана*. Однако, вынеся наверх «солдат партии», управляемая ВКП(б) восходящая мобильность стала одним из механизмов становления авторитарного государства.

Директорский корпус, его ядро из «капитанов индустрии» вытянет на своих плечах задания первых двух пятилеток. Но именно эта немногочисленная группа из наиболее талантливых и стойких выдвиженцев пострадает дважды. Первый раз, когда ее успехи будут приписаны одному человеку и советская индустриализация станет «сталинской». Второй раз, когда, понеся потери в ходе чисток первой половины 1930-х гг. [Роговин, 1995: 341–343], в 1937–1938 гг. «значительная часть командиров производства» будет репрессирована [Хавин, 1966: 14].

Именно в эти годы – 1937–1938 – будет рекрутирована новая волна выдвиженцев, но уже, как правило, из выпускников вузов и техникумов. Дети рабочих и вчерашние молодые рабочие, получив образование, придут на смену репрессированным предшественникам. Жизненный путь представителей этого мобилизационного призыва будет различным, и бодрое утверждение о том, что «почти все выдвиженцы с высшим образованием уцелеют в годы Большого террора» [Фирсов, 2018: 212], не подтверждается статистическими данными. Судьба многих инженерных коллективов Урала в 1937–1938 гг. противоречит

подобным сентенциям. Нередко массовые операции НКВД, даже формально не относившиеся к специалистам, буквально «выкашивали» управленцев в промышленности [Включен..., 2006: 127–129].

Социальный лифт в СССР действительно был массовый и выносил наверх сотни тысяч людей. Многие из них, за отсутствием способностей или за малейшие отступления от советских идеологических стандартов, «сбрасывались вниз» еще во время «движения лифта». Положительным моментом советской истории стало продвижение на руководящие должности в экономической сфере тысяч талантливых выдвиненцев из рабочей среды.

Трагической стороной стала цена движения социального лифта: наиболее активные созидатели индустриальной мощи СССР стали жертвой тоталитаризма. Выдвиненчество, как одна из форм социальных мобилизаций, позволило привлечь для решения задач первых пятилетних планов необходимые кадровые ресурсы. Однако чудовищный масштаб отсева позволяет говорить о принесении в жертву индустриализации значительной части корпуса выдвиненцев. Внимание историков выдвиненчества в СССР было приковано только к одной стороне выдвиненчества – восходящей мобильности. История мобильности, породившей многочисленную армию мелких чиновников и служащих, ждет исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреюк Г.П. Выдвиненчество и его роль в формировании интеллигенции. 1917–1932 гг. // Из истории советской интеллигенции. М.: Мысль, 1966. С. 5–38.
- Бейлин А.Е. Кадры специалистов СССР. М.: Союзоргучет, 1935.
- Включен в операцию. Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2006.
- Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 1920-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000.
- Дробижев В.З. Роль рабочего класса в формировании командных кадров социалистического правительства (1917–1936 гг.) // История СССР. 1961. № 4. С. 55–75.
- Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М.: МФД, 2000.
- Кадры тяжелой промышленности в цифрах. М.: Сектор общих изд. ОНТИ НКП, 1936.
- Коммунисты в составе аппарата государственных учреждений и общественных организаций. Итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 г. М.: Госиздат, 1929.
- Киселева Е.Л. Чистка государственного аппарата в 1929–1932 // Российская история. 2009. № 1. С. 96–110.
- Красин Ю.А. Величие и трагизм советского эксперимента // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 1. С. 10–23. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.03.
- Лейбович О.Л. Охота на красного директора. Пермь: ИЦ «Титул», 2017.
- Маркевич М.А. «Советское – значит надежное»: военпреды и проблема качества в советской оборонной промышленности // Экономическая история: Ежегодник. 2005. С. 364–408.
- Новосильцева Т.И. Выдвиненчество в кадровой политике Советского государства в 1920–1930-е годы (на материалах Смоленской области). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Брянск, 2004.
- Оскокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2008.
- Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931. М.-Л.: Соцэкгиз, 1931.
- Роговин В.З. Сталинский «неонэп» (1934–1936). М.: Б.и., 1995.
- Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР. М.: ЦУНХУ Госплана СССР; Союзоргучет, 1936.
- Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Отв. ред. С.А. Красильников. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политическая энциклопедия, 2018.
- Фельдман М.А. Конец «романтической» эпохи (Дискуссия на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) о выборе пути, форм и методов «социалистической» модернизации) // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 135–148.
- Фирсов Б.М. Сталинские выдвиненцы 1930-х гг. на командных должностях // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е гг. Мат. X Междунар. конф. Москва. 5–7 декабря 2017. М.: Политическая энциклопедия, 2018.
- Хавин А.Ф. Капитаны советской индустрии 1926–1940 // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 3–14.
- Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.

- XVI конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1962.
- XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930. В 2 т. Т. 1. М.: Партиздат, 1935.
- XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1932.

Статья поступила: 02.03.20. Принята к публикации: 23.03.20.

CADRES PROMOTIONS IN 1917–1941: AMBIVALENCE OF UPWARD MOBILITY

FELDMAN M.A.

Ural Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Mikhail A. FELDMAN, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Ural Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia (feldman-mih@yandex.ru).

Abstract. Historians of the Soviet era noted with pride: during the first five-year plans, about 800–900 thousand nominees were promoted to top positions, including ca. 500 thousand in the sectors of the national economy; the rest held various positions in state power structures and party bodies. The fact that most of the nominees were yesterday's workers was regarded by the leadership of the Bolshevik party as an outstanding victory for the Soviet system. In the present paper, based on analysis of historical literature, all-Union party census of 1927, statistical surveys of managerial staff of industry 1929, 1933, 1934 and 1936 I attempt to offer an objective assessment of the nature, dynamics, and historical role of 'Vydyzhenets' as a form of social mobilization, which allowed to attract for the achievement of the First five-year plans personnel resources. It is noted that the nomination as a social process was caught at the intersection of the internal party struggles for the choice of course; the clash of approaches to feasibility of the NEP economy; the discussion about the permissibility and limits of the class struggle; the comparison of the industrialization practices and Marxist characteristics of class society. Party mobilizations (collective admission to the party) and party purges influenced the parameters of the nomination process. The economic chaos of the early 1930s, caused by the voluntarist decisions by Stalin and his associates, forced the leaders of the USSR to take a more realistic view of the potentialities of working-class community. It is concluded that the phenomenon of promotion was actually limited to the first five-year plan. Having allowed thousands of talented nominees to be promoted to top positions in the economic sphere, the nomination, at the same time, demonstrated a monstrous scale of personnel drop-out allowing us to speak about sacrificing a significant part of the nominated managers for the sake of industrialization.

Keywords: nominees, workers, party, industrialization, five-year plans.

REFERENCES

- Andreyuk G. (1966) Promotion and its Role in the Formation of Intelligentsia. 1917–1932. In: *From the History of the Soviet Intelligentsia*. Moscow: Mysl': 5–38. (In Russ.)
- Beilin A.E. (1935) *Personnel of Specialists of the USSR*. Moscow: Soyuzorguchet. (In Russ.)
- Gimpelson E.G. (2000) *The NEP and the Soviet Political System. 1920s*. Moscow: IRI RAN. (In Russ.)
- Communists in the Apparatus of State Institutions and Public Organizations. Results of the all-Union Party Census of 1927. (1929)* Moscow: Gosizdat. (In Russ.)
- Composition of Managers and Specialists of the Union of SSR. (1936)* Moscow: TsUNKhU Gosplana SSSR; Soyuzorguchet. (In Russ.)
- Drobizhev V.Z. (1968) The Role of the Working Class in Forming the Command Cadres of the Socialist Government (1917–1936). *Istoriya SSSR [History of the USSR]*. No. 4: 55–75. (In Russ.)
- Included in the Operation. Mass Terror in the Kama Region in 1937–1938.* (2006) Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Feldman M.A. (2019) The End of the "Romantic" Era. (Discussion at the April (1929) Forum of the Central Committee of the CPSU (b) on the Choice of Ways, Forms and Methods of "Socialist" Modernization). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. No. 3: 135–148. (In Russ.)

- Firsov B.M. (2018) Stalinist Nominees of the 1930s in Command Positions. In: *Lessons of October and the Practice of the Soviet System. 1920–1950s*. Proceedings of the 10th International Conference. Moscow, December 5–7, 2017. Moscow: Politicheskaya encyclopedia. (In Russ.)
- How the NEP Was Broken. *Transcripts of the Plenums of the Central Committee of the CPSU (b) of 1928–1929*. In 5 vols. (2000) Vol. 1: Joint Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b) April 6–11, 1928. Moscow: MFD. (In Russ.)
- Heavy Industry Personnel in Numbers*. (1936) Moscow: Sektor obsh. izd. ONTI NKP. (In Russ.)
- Khavin A.F. (1966) Captains of Soviet Industry 1926–1940. *Voprosy istorii* [Question of History]. No. 5: 3–14. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V. (2010) *The Owner. Stalin and the Establishment of the Stalinist Dictatorship*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Kiseleva E.L. (2009) Purge of the State Apparatus in 1929–1932. *Rossijskaya istoriya* [Russian History]. No. 1: 96–110. (In Russ.)
- Krasin Yu.A. (2017) Majesty and Tragedy of the Soviet “Experiment”. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 1: 10–23. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.03. (In Russ.)
- Leibovich O.L. (2017) *Hunting for the Red Director*. Perm: ITs “Titul”. (In Russ.)
- Markevich M.A. (2005) “Soviet – Means Reliable”: Military Representatives and the Problem of Quality in the Soviet Defense Industry. *Economic History: Yearbook*: 364–408. (In Russ.)
- Novosiltseva T.I. (2004) *Promotion in the Personnel Policy of the Soviet State in the 1920s and 1930s (the Case of the Smolensk Region)*. Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Bryansk. (In Russ.)
- Osokina E.A. (2006) *Behind the Facade of “Stalin’s Abundance”. Distribution and Market in the Supply of the Population during the Years of Industrialization: 1927–1941*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Rogovin V.Z. (1995) *Stalin’s “Neo-NEP” (1934–1936)*. Moscow. (In Russ.)
- Krasilnikov S.A. (ed.) (2018) *Social Mobilization in Stalinist Society (Late 1920s – 1930s)*. 2nd ed. Moscow: Politicheskaya encyclopedia. (In Russ.)
- The First all-Union Conference of Workers in Socialist Industry. Verbatim Report from January 30 to February 5, 1931*. (1931) Moscow-Leningrad: Sotsekgiz. (In Russ.)
- 16th Conference of the all-Union Communist Party (b). Verbatim Record. (1962) Moscow: Partizdat. (In Russ.)
- 16th Congress of the all-Union Communist Party (b). June 26 – July 13, 1930. In 2 vols. (1935) Vol. 1. Moscow: Partizdat. (In Russ.)
- 17th Conference of the all-Union Communist Party (b). Verbatim Record. (1932) Moscow: Partizdat. (In Russ.)

Received: 02.03.20. Accepted: 23.03.20.